

RU

Функции архетипа трикстера в повести «Шут» Ю. П. Вяземского

Свитенко Н. В.

Аннотация. В работе рассматриваются формы актуализации и функционирования архетипа трикстера в качестве «матрицы» характера и доминантной психологемы образа главного героя современной повести для подростков. Цель исследования - выявление семиозиса и функционала архетипа трикстера на разных уровнях структуры текста повести «Шут» Ю. П. Вяземского (1982). Научная новизна исследования состоит в определении генезиса эмоциональной и психологической амбивалентности героя, связанной с архетипом трикстера, лежащем в основе избранной ролевой маски. В результате исследования доказано, что мифологические корни архетипа, проявляющегося в повести на уровне образной системы, поэтики и нарративной стратегии, определяют созидательный потенциал и «теневые» интенции ролевой маски «шута» в сфере художественной аксиологии. «Двойная» повествовательная техника художественно репрезентирована в жанровой форме «литературного дневника»: субъект художественного высказывания, обладатель «уединенного сознания», ориентированный на риторичность и «точку зрения» трикстера, «выстраивает» сюжет рефлексии, который приводит героя к осознанию разрушительного демонизма собственной природы.

EN

Functions of the Trickster Archetype
in the Novella “The Jester” by Yu. P. Vyazemsky

Svitenko N. V.

Abstract. The paper considers the forms of actualisation and functioning of the trickster archetype as a “matrix” of the character and dominant psychologeme of the protagonist’s image in a modern young adult novella. The aim of the study is to identify the semiosis and functions of the trickster archetype at different levels of the text structure of the novella “The Jester” by Yu. P. Vyazemsky (1982). The scientific novelty of the study lies in determining the genesis of the protagonist’s emotional and psychological ambivalence associated with the trickster archetype underlying the chosen role mask. As a result of the study, it has been proved that the mythological roots of the archetype manifested in the novella at the level of the system of images, poetics and narrative strategy determine the creative potential and “shadow” intentions of the role mask of the “jester” in the area of artistic axiology. The “double” narrative technique is artistically represented in the genre form of a “literary diary”: the subject of artistic expression, the owner of a “solitary consciousness”, focused on the rhetoric and “point of view” of the trickster, “builds” the plot of reflection, which leads the protagonist to realise the destructive demonism of his own nature.

Введение

Актуальность темы работы обусловлена необходимостью осмысления способов художественной репрезентации «взрослеющего» сознания подростка, востребованной в литературоведении в связи с концентрацией внимания специалистов-гуманитариев, педагогов и родителей в области разработки современных стратегий развития воспитания молодого поколения.

Поставленная цель требует последовательного решения следующих задач: рассмотреть типологически устойчивые, базовые «радикалы» архетипа трикстера; охарактеризовать особенности повествовательной организации повести; проанализировать специфику влияния ролевой маски трикстера на становление сознания личности главного героя повести.

Методологический инструментальный мифопоэтический анализ текста с позиций аксиологического подхода позволяет выявить архетипические особенности образа главного героя, а методика нарративного анализа – сделать выводы о способах эстетической манифестации «уединенного сознания» в прозе для подростков и художественных формах его текстуального воплощения.

В качестве материала исследования была использована повесть «Шут» Ю. П. Вяземского (М.: Молодая гвардия, 1982), в сюжете которой художественно убедительно репрезентирована одна из возможных траекторий ролевой идентичности подростков на пути взросления.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных литературоведов, в которых рассматриваются генезис и семантика архетипа трикстера (Бахтин, 1975; Мелетинский, 2001; Агранович, Березин, 2005; Липовецкий, 2014); аксиологическая методология в литературоведении (Попова, 2004; Семенова, 2016; Тюпа, 2018); поведенческие и речевые стратегии различных речевых масок в отечественной литературе (Тихомирова, Сизенко, 2018; Чеботникова, 2012); проблематика повести «Шут» Ю. Вяземского (Осьмухина, Овсянникова, 2022).

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для научного обеспечения курсов по истории детской литературы и спецкурсов по истории отечественной прозы для подростков, также материалы статьи могут быть полезны в школьной практике педагога-словесника.

Основная часть

Повесть Ю. Вяземского имеет подзаголовок «Исследование по материалам “Дневника Шута”», который объясняет своеобразное «ретроспективное» прочтение: рассказчик, отождествляющий себя с героем, комментирует дневник школьных лет, интерпретируя произошедшее с иных ценностных позиций. Читатель воспринимает героя и рассказчика как одно лицо в разных временных проекциях, поскольку декодировать изощренную символику метафорических «коанов», выдержанных в японской стилистике (родители подростка – «японисты»), под силу только посвященному: ключ к шифру – точное знание и сложного образного языка Шута, автора и героя дневника. Подтверждает совпадение рассказчика и героя и реплика в послесловии: «Когда, получив от машинистки перепечатанную набело рукопись моего “исследования”, я перечел ее, исправляя опечатки, то вдруг подумал: “А ведь я все помню до сих пор”» (Вяземский, 1982, с. 21). Глубина интеллектуального постижения и представления очевидных и скрытых мотивов жизни подростка, фактическая скрупулезность в объяснении генезиса того или иного поступка определяют характер «Дневника Шута» и делают каждый его фрагмент исключительно семантически насыщенным.

История превращения внешне заурядного героя, Вали Тряпишника, мечтавшего о «большой справедливости», «оружии безоружного, силе слабого», в «шута, самовлюбленного и жестокого... из тех подленьких шутов, которые обижают слабых и беззащитных и при этом получают удовольствие» (Вяземский, 1982, с. 90) изложена автором эмоционально убедительно и психологически достоверно. Ролевая маска, избранная героем, восходит к архетипу трикстера, три персонажные ипостаси которого, пройдя целый ряд семантических трансформаций из «низовых» жанров в роман, определили особенный тип повествователя-рассказчика и галерею «трикстерных» персонажей – типы «чудака», «аутсайдера», «чужого». Узнать в этих героях шута, плута или дурака порой практически невозможно – фактура персонажей радикально различается. Но онтологическую близость определить можно: она связана с принципиальной амбивалентностью, несинтезируемой двойственностью архетипического ядра образа.

Трикстер принципиально не тождественен себе, его ценностная амбивалентность объясняется изначальной двойственностью природы архетипа – синкретизма комизма и демонизма. В связи с этим герои-трикстеры – «демонически-комический дублер» культурного героя, носители «гротескного», не совпадающего с собой сознания, выходящего за обычные границы. М. М. Бахтин (1975, с. 311) связывает с таким типом сознания и особенные сюжетные функции – «испытания правды» и провоцирования «последнего слова». В соответствии с концепциями Бахтина – это «лицедеи жизни, их бытие совпадает с их ролью и вне этой роли они вообще не существуют», в тоже время сама эта роль представляет собой состояние иносказания, так что их бытие имеет «переносное значение» (с. 309). В подростковой прозе именно субъектный аспект образа трикстера наиболее востребован: точка зрения «наследника» «гротескного» сознания, наблюдающего и оценивающего происходящее с иномирных позиций и соответствующей системой ценностей. В повести «Шут» Ю. Вяземского внутренняя мотивация поведения подростка, осмысление героем собственных действий оказываются несовпадающими, вплоть до противоположности, со следствиями. В системе личностных проявлений характер героя представляется автором как парадокс.

«Рождение Шута» в девятилетнем мальчике происходит как следствие его столкновения с лидером дачной компании сверстников, которого за садистские наклонности боялись «и те, которые при виде Синеглазого прятались за забором своих дач, и те, которые входили в его команду» (Вяземский, 1982, с. 21). Первоначально войдя в «капеллу», Валя вскоре начинает презирать себя за пассивное соучастие, и это чувство достигает апогея в момент, когда беззащитного и вечно голодного малыша «шутник» заставит угостить булкой, начиненной «всякой дрянью». Решение отомстить, восстановить справедливость герой исполняет не сразу, понимая физическое и «властное» превосходство противника, унизив и высмеяв соперника, и первая победа утверждает его в правильности выбранного оружия.

В последующие годы, проявляя незаурядную наблюдательность, терпение, решимость, изобретательность, умение анализировать и «простаривать» интригу, Валя создает «концепцию» шутовства, представляющую собой свод приемов обороны и нападения и кодекс заповедей, ставших для него философией жизни.

В заповедях шутовского «катехизиса» герой детально выстроил принципы поведения, в основе которого – доминанта внешнего над внутренним, насмешка и пренебрежение «маленькими добрыми делами» во имя

«высшей» абстрактной справедливости, одиночество, понимаемое как аскетическая жертва силе: «...слабым не давать садиться на шею, держать на расстоянии и в уважении к себе», «ни за что себе не позволять выглядеть смешным», «не приучать никого и себя не давать приучить... Зорко лишь одинокое сердце» (Вяземский, 1982, с. 40). Последняя фраза – дьявольский перевертыш знаменитого этического постулата Лиса из сказки «Маленький принц» А. Сент-Экзюпери. Дополняет заповеди Шута «иезуитское» правило относиться к противнику «как к самому близкому человеку», «исследуя его» и «просчитывая до конца» (Вяземский, 1982, с. 39), чтобы в конце концов нанести экзистенциально «смертельный» удар.

Очевидно, что подобные принципы могут сделать их носителя расчетливым, сильным, независимым, но никак не добрым. И рациональная «система» мстит своему создателю, лишая его естественных человеческих привязанностей, возлюбленной, друзей, учителя как старшего товарища. Борьба за правду бесчестными методами приводит к хорошо организованному злу. Убеждая себя в том, что «Шут не может быть привязан и поэтому рвет все веревки» (Вяземский, 1982, с. 54), герой незаметно для себя, полагая свои цели благородными, наносит беспощадные удары именно тем, кто их совсем не заслуживает – ребятам, которых хотел бы считать друзьями, девочке, с которой «вышел из состояния постоянной боеготовности» и стал «светиться изнутри радостью и любовью» (Вяземский, 1982, с. 69), Учителя, при котором «забывает о том, что он шут» (Вяземский, 1982, с. 62).

Но родовой «ген» трикстера связан с принципиальной внутренней двойственностью, именно это качество отличает его от внутренне цельного культурного героя, в котором реализован принцип раздельно существующего, проявленного тождества. Простая истина – «нельзя защищать свое “я”, унижая других людей!» – противоречит «опыту» Шута «слышать в аромате цветов запах гнили»: так возникает ситуация внутреннего конфликта героя с собой, которую рассказчик диагностирует как «болезнь», когда Шут «принялся разить направо и налево, огнем и мечом утверждая себя и свою Систему, при этом не отличая правого от виноватого, сильного от слабого и чужого от близкого» (Вяземский, 1982, с. 80).

Валя Тряпишников называет «воинский набор» Шута философским «карате», но благородное боевое искусство оборачивается жестоким «сталкингом» – техникой преследования, шпионажа, запугивания и шантажа: «...сталкер – человек, который желает полностью контролировать мир физический и мир социальный, мир отношений человека с собой и с другими людьми» (Арпентьева, Худякова, 2021, с. 113). Автор подчеркивает, что, совершая свои поступки, герой «никакой боли не испытывал», потому что «к этому времени так овладел стрельбой» и так к ней пристрастился, что «не мог уже не стрелять и не ранить». Так его гипертрофированное самолюбие, болезненное чувство собственного достоинства, непомерное тщеславие, постоянное стремление к самоутверждению за счет унижения других привели к тому, что он «стрелял в безоружного» не открыто, а «исподтишка и чужими руками» (Вяземский, 1982, с. 86).

В повести детально воссоздается процесс утраты подростком смысла жизни и собственной деятельности, а вслед за тем и живого ощущения бытия: «шут», как «подпольный парадоксалист» Ф. М. Достоевского, не «переживает» реальность, а «сознает» ее, «понимает», последовательно утрачивая ощущение целостности своей личности (происходит раздвоение сознательного и подсознательного). Так, однажды Шут выступает против самого дорогого человека в его жизни, Учителя, старшего товарища и нравственно-интеллектуального авторитета: «“Зачем он это сделал?” Может быть, и впрямь решил, что во всем мире не осталось ему более равных – ведь к этому моменту он уже оскорбил и ранил двух близких себе людей» (Вяземский, 1982, с. 103). Шут «стреляет» в Учителя, используя «сталкинг» как оружие, которым владеет в совершенстве: подросток организует травлю, публично обнажая обстоятельства личной жизни доверившегося ему человека. Изогранный цинизм поступка Шута проявляют в нем черты, совокупность которых психологи называют «комплексом Люцифера», для которого характерна «алчность как желание уподобить себе или поглотить все “другое”, не похожее на него, попытки использовать мир и другого человека как вещь ради удовлетворения собственных желаний. <...> Единственное “благо” сталкера – он сам: вернуться к Богу и признать кого-то выше себя он не в состоянии» (Арпентьева, Худякова, 2021, с. 116).

В социальном аспекте герой уходит в своеобразное «подполье» – сознательно идет на разрыв любых «диалогических» связей, тотальное отчуждение не только от тривиального общества, но и от самого себя. Такое радикальное уединение оказывается для героя трагическим и отождествляется с небытием: вот почему в итоге «высшее» отношение к жизни, любовь «ко всем», «всечеловеческая справедливость» доводят героя до полной потери способности к адекватному восприятию действительности и самооценке, потери ощущения жизни.

Шут, как антигерой, формирует диапазон свойств и качеств уединенного сознания, начиная с усложнения внутренней структуры «я»: интеллектуально и эмоционально герой пребывает в эпицентре конфликта собственных взаимоисключающих версий, сохраняя целостность самосознания. Ловушка, в которую загоняет себя подросток, заключается в том, что он желает понимания и признания Другого, которого он презирает и ненавидит: герой всеми силами добивается признания презираемых им «тупиц». Этот тупик – один из парадоксов уединенного сознания (Тюпа, 1996, с. 31).

«Многолетний смертоносный процесс» саморазрушения под маской строительства «совершенного “я”» закономерно завершается «самоубийством Шута». Но «неожиданная и страшная боль» обнажит «все прошлое Шута... в мельчайших своих подробностях, жестоких, непоправимых» и разбудит к жизни прежнего Вальку, который, пытаясь найти в своем прошлом причину трагического отклонения от благородного вектора, вдруг вспомнит историю с обиженным малышом, подтолкнувшую к рождению Шута, с которой все начиналось, и неожиданно для себя поймет возможность иного пути – пути служения: «А ведь мне и в голову тогда не пришло угостить Сережку пирожным. Другим. Без червей и головастиков...» (Вяземский, 1982, с. 108).

«Двойничество» автора-повествователя и рассказчика, несовместимых по своим жизненным позициям, основано на диалектике возрастных и душевных состояний одного и того же лица, аксиологические параметры которого не совпадают во времени: «рассказчик-наблюдатель» – взрослый, умудренный жизнью человек вспоминает драматический отрезок своей юности, когда он играл роль «Шута». Все, некогда происходившее с героем, рассматривается рассказчиком с большой долей остранения: он бесстрастно, в летописно-повествовательной тональности, воссоздает случившееся. В свою очередь, дневник Шута – своеобразная исповедь, беспощадное самонаблюдение, оправдание и осуждение себя по ходу событий. Различие тональностей повествования подчеркивает, насколько фундаментально изменилась система ценностей героя.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Характер героя в жанровой форме «литературного дневника» оказывается одновременно формой рефлексии героя и художественной концепцией автора, рождающейся в результате аналитики характера и поступков Шута. Шут не столько объект восприятия читателя, сколько носитель определенной точки зрения на себя, значимый именно в этом качестве – точки зрения «человека под маской»: жизнь восьмиклассника Вали Тряпишниковой освещается с позиции скрытого в этом персонаже Шута.

Автору повести удалось художественно достоверно и убедительно сочетать эмоционально-психологические линии рассказчика и героя, неочевидность связи которых подчиняется определенной художественной логике: рассказчик отличается принципиально иным миропониманием, системой ценностей, нежели герой. Сложность авторской задачи обусловлена, с одной стороны, единством миропонимания и отношения к жизни субъекта сознания и субъекта речи, с другой – радикальным различием их ценностных систем. Но в его задачу рассказчика не входит обличение шута, он рассматривает причины, приведшие подростка, поначалу борového с подлостью и несправедливостью, к жестокости и бессердечию, утрате благородных целей и в конечном счете к нравственной деформации личности. Таким образом, автору удается объяснить «парадокс» характера, очертив его внутреннюю логику.

Главный герой выбирает роль Шута-трикстера, позволяющую подростку на определенном этапе жизненных испытаний сохранить целостность собственного «я». Но архетипический «ген» шута опасен своей принципиальной амбивалентностью: комическая ипостась архетипа онтологически связана с демонической, поскольку трикстер имеет двойственную природу. Если в начале «бытия шутом» герой пользуется лишь «инструментарием» архетипического «предка», в который входят дистанцирование, особая «точка зрения», ироническое остранение, то по ходу развития сюжета ролевой архетип «захватывает» и подчиняет героя, «переписывая» его этическую основу. Изначальные «высокие» ценности, толкнувшие подростка на радикальную работу над собственным «я», активировавшие волевую и эмоциональную составляющие характера, мутируют, оборачиваются аксиологической инверсией: роль Шута «переигрывает» своего героя.

Перспективы дальнейшего исследования видятся автору работы в более детальном изучении приемов и способов психологической интроспекции «взрослеющего» сознания в контексте художественной аксиологии как в самом тексте весьма популярной и экранизированной повести Ю. Вяземского, так и в других малоизученных бестселлерах современной прозы для подростков таких авторов, как Э. Веркин, А. Жвалевский, Е. Пастернак, Т. Крюкова, Е. Мурашова, Е. Рудашевский.

Источники | References

1. Агранович С. З., Березин С. В. Номо amphibolos: археология сознания. Самара: Бахрах-М, 2005.
2. Арпентьева М. Р., Худякова Т. Л. Буллинг и stalking в концептуальном поле исследований безопасности образования // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88).
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
4. Липовецкий М. Н. Шалуны, враги, другие: трикстер в советской и постсоветской детской литературе // Детские чтения. 2014. № 2 (6).
5. Мелетинский Е. М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Литературные архетипы и универсалии: сб. ст. / под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2001.
6. Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П. «Шут» Ю. Вяземского vs «Шут» А. Эшпая: специфика кинематографической интерпретации образа литературного героя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5.
7. Попова Е. В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества: дисс. ... д. филол. н. М., 2004.
8. Семенова Е. В. Художественная аксиология русской литературы: терминологический аппарат // Инновационная наука. 2016. № 2-5 (14).
9. Тихомирова Е. Г., Сизенко А. Г. Маска как культурная форма в эпоху Ренессанса («лица» господина Шико) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82).
10. Тюпа В. И. Литература и ментальность: монография. М.: Юрайт, 2018.

11. Тюпа В. И. Модусы сознания и школа коммуникативной дидактики // Дискурс. 1996. № 1.
12. Чеботникова Т. А. Речевое поведение личности в системе формирования социального образа: на материале художественного дискурса: автореф. дисс. ... д. филол. н. Челябинск, 2012.

Информация об авторах | Author information

RU**Свитенко Наталья Вячеславовна**¹, к. филол. н., доц.¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар**EN****Svitenko Natalya Viatcheslavovna**¹, PhD¹ Kuban State University, Krasnodar¹ svitenko@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.01.2023; опубликовано (published): 31.03.2023.

Ключевые слова (keywords): проза для подростков; ролевая маска; архетип трикстера; комически-демонический двойник; аксиологическая инверсия; young adult prose; role mask; trickster archetype; comic-demonic doppelgänger; axiological inversion.